

УДК 343.1

DOI 10.46741/2686-9764-2019-13-3-376-385

Формы реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве в контексте процессуального статуса суда как участника уголовного процесса

П. А. ЛУЦЕНКО – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук

Реферат

В статье анализируется процессуальный статус суда как участника уголовного судопроизводства с учетом специфики его правового положения и реализуемых им функций. Правовой статус суда в уголовном судопроизводстве детерминируется отсутствием публичного либо личного интереса в исходе уголовного дела, что не только предопределяет состязательную форму судопроизводства, но и является гарантией независимости судебной власти при осуществлении правосудия. Автор приходит к выводу о том, что понятие «суд» является собирательным, поскольку, с одной стороны, это государственное учреждение, входящее в судебную систему, с другой стороны, судья является носителем власти, рассматривающим уголовное дело по существу и выносящим решения, предусмотренные законом. Судебная система обладает признаком инстанционности, обусловленным ее внутренней иерархической структурой. Наличие судебных инстанций предопределяет движение уголовного дела, является структурным механизмом реализации функции внутреннего судебного контроля и надзора, а также обеспечивает защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц. Полномочия суда рассматриваются исходя из функционального критерия, а именно: разрешение уголовного дела по существу; контроль за деятельностью органов предварительного расследования; рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу; реагирование на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способ-

ствовавшие совершению преступления, путем вынесения частного определения или постановления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : суд; разрешение уголовного дела по существу; судебный контроль; санкционирование; жалоба; меры принуждения; следственные действия.

12.00.09 – Уголовный процесс

Forms of the exercise of judicial power in criminal proceedings in the context of the procedural status of the court as a participant in criminal proceedings

P. A. LUTSENKO – Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Civil and Criminal Law of the Faculty of Humanities and Law of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the procedural status of the court as a participant in criminal proceedings, taking into account the specifics of its legal status and its functions. The legal status of the court in criminal proceedings is determined by the lack of public or personal interest in the outcome of the criminal case, which not only determines the adversarial form of proceedings, but also guarantees the independence of the judiciary in the administration of justice. The author comes to the conclusion that the concept of "court" is collective, because, on the one hand, it is a state institution that is part of the judicial system, on the other hand, a judge is a carrier of power, considering a criminal case on the merits and making decisions stipulated by law. The judicial system has a sign of instancedness, due to its internal hierarchical structure. The presence of judicial instances predetermines the movement of a criminal case, is a structural mechanism for the implementation of the function of internal judicial control and supervision and also protects the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings and other interested parties. The powers of the court are considered on the basis of a functional criterion, namely: resolution of the criminal case on the merits; control over the activities of preliminary investigation bodies; consideration of complaints about actions (inaction) and decisions of officials conducting criminal proceedings; response to the violations of the rights and freedoms of citizens, the principle of legality, established circumstances that contributed to the commission of a crime committed during the criminal proceedings by issuing a private ruling or decision.

Key words: court; substantive resolution of the criminal case; judicial control; authorization; complaint; coercive measures; investigative actions.

12.00.09 – Criminal procedure

Вопрос о формах и способах реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, необходимо анализировать с точки зрения правового статуса суда как участника уголовно-процессуальных отношений. Такие участники перечислены законодателем в разд. II УПК РФ и классифицированы на следующие группы: суд, участники уголовного процесса со стороны обвинения, участники уголовного процесса со стороны защиты, иные участники уголовного процесса.

Мы полагаем, что представленный выше легальный подход позволяет говорить об обособленности судебной власти в уголовном судопроизводстве с точки зрения

правового статуса (гл. 5 УПК РФ). В состязательном судопроизводстве суд реализует исключительные полномочия, связанные с осуществлением правосудия, что обуславливает специфику его положения, которая, на наш взгляд, заключается в следующем:

1. Понятие «суд» по своему содержанию может быть отнесено к числу комбинированных, поскольку, с одной стороны, суд входит в число государственных органов, совокупность которых формирует судебную систему, реализующую самостоятельную ветвь государственной власти (ст. 1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции»), а с другой – судья в соответствии с п. 48 ст. 5 УПК РФ является ее носителем, управомоченным на рас-

смотрение уголовного дела по существу и выносящим решения от имени Российской Федерации. Законодатель использует оба значения термина «суд» при конструировании норм УПК РФ. Если в одних случаях, например при определении подсудности (ст. 30, 31 УПК РФ), суд – это орган, то в других – должностное лицо, вступающее в правоотношения с иными участниками уголовного процесса. При этом в определенных случаях термин «суд» конкретизируется применительно к конкретным должностным лицам – мировому судье, председателю, председателю суда, его заместителям (например, ч. 5, 6 ст. 6.1, п. 26 ст. 5, ст. 35, ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ).

2. Самостоятельным признаком, характеризующим суд как участника уголовно-процессуальных отношений, можно назвать инстанционность. В этой связи необходимо отметить, что судебная инстанция определяется как «группа судебных органов и их структурных подразделений, наделенная равнозначными полномочиями по рассмотрению и разрешению уголовных дел в соответствующих стадиях уголовного судопроизводства» [4, с. 43]. В настоящее время можно говорить о наличии четырех судебных инстанций: 1) суд первой инстанции, уполномоченный разрешать уголовное дело по существу с вынесением приговора, а также реализовывать контрольные полномочия в досудебных стадиях производства по уголовному делу и полномочия, связанные с исполнением судебного решения (п. 52 ст. 5, ст. 396–398 УПК РФ); 2) суд второй инстанции, то есть апелляционный суд, рассматривающий жалобы и представления на судебные решения, не вступившие в законную силу; 3) суд кассационной инстанции, осуществляющий проверку вступивших в законную силу судебных решений по жалобам и представлениям заинтересованных лиц; 4) суд надзорной инстанции, контрольно-ревизионные полномочия которого имеют исключительный характер и реализуются Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Инстанционное построение судебной системы носит иерархический характер и позволяет осуществлять судебный контроль за деятельностью нижестоящих судов, а также служит правовым средством исправления возможных судебных ошибок, что имеет немаловажное значение с точки зрения механизма правозащитной деятельности в уголовном судопроизводстве. Кроме того, наличие судебных инстанций укладывается в систему уголовного судопроизводства, поскольку имеет место

определенная последовательность их прохождения, соответствующая стадиям производства по уголовному делу. Говоря об инстанционности судебной системы, нельзя не отметить два важнейших структурных преобразования, ставшие следствием принятия Федерального конституционного закона от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: 1) были созданы девять кассационных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных кассационных округов и кассационный военный суд, уполномоченные рассматривать дела по кассационным жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты районных судов, гарнизонных военных судов и мировых судей, судебные акты апелляционных судов общей юрисдикции, апелляционного военного суда, принятые по жалобам и представлениям на судебные акты верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов, отнесенных к соответствующему судебному округу, судебные акты верховного суда республики, краевого, областного и приравненного к нему суда, окружного (флотского) военного суда, принятые ими в первой и апелляционной инстанциях; 2) образованы пять апелляционных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных апелляционных округов и апелляционный военный суд, уполномоченные рассматривать дела по апелляционным жалобам, представлениям на не вступившие в законную силу решения верховного суда республики, краевого, областного и приравненного к нему суда, окружного (флотского) военного суда, принятые ими в первой инстанции. Таким образом, одновременно решены несколько задач: во-первых, завершена реформа процессуального законодательства, предусматривающая возможность апелляционного обжалования не вступивших в силу судебных актов применительно ко всем категориям гражданских и уголовных дел; во-вторых, сделан еще один шаг на пути оптимизации нагрузки судей по рассмотрению различных категорий дел; в-третьих, реализованы рекомендации ЕСПЧ, содержащиеся в нескольких его решениях, принятых по жалобам граждан Российской Федерации, относительно нежелательности совмещения различных судебных

инстанций по одному делу в пределах юрисдикции одного суда.

3. Применительно к полномочиям судебной власти в уголовном процессе особое значение имеет состав суда, которым определяется «количественная совокупность и качественная характеристика лиц, уполномоченных осуществлять правосудие» [5, с. 25]. Анализ положений ст. 30 УПК РФ позволяет утверждать, что составы суда дифференцируются в зависимости от категории уголовного дела, звена судебной системы и судебной инстанции: 1) судья единолично рассматривает по существу подавляющее большинство уголовных дел по первой инстанции, реализует контрольные полномочия в досудебном производстве, а также в стадии исполнения приговора; единолично рассматривает дела в апелляционном порядке в отношении судебных решений, выносимых мировыми судьями, а также в отношении решений по уголовным делам небольшой тяжести, рассмотренным районным судом и гарнизонным военным судом, и при пересмотре промежуточных решений указанных судов (ч. 3 и 4 ст. 30 УПК РФ); 2) коллегиальный состав суда включает в себя трех профессиональных судей либо одного профессионального судью и восемь присяжных заседателей в судах субъектов Российской Федерации и шесть присяжных заседателей в районных и городских судах и допускается по незначительному перечню уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях (п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ). Коллегиальный состав суда предусмотрен для вышестоящих судебных инстанций, реализующих контрольно-ревизионные полномочия.

4. Полномочия суда имеют исключительный характер, поскольку не могут быть делегированы иным участникам уголовного судопроизводства. Их содержание характеризуется отсутствием личного либо публичного интереса в исходе уголовного дела, что является гарантией независимости и самостоятельности судебной власти. Кроме того, при регламентации полномочий суда законодатель использует исчерпывающий перечень, что не допускает диспозитивности при толковании соответствующих норм, поскольку суд является органом, ответственным за ход и результат судебного процесса, гарантом защиты прав и интересов сторон. С точки зрения форм реализации права судебная деятельность имеет правоприменительный характер, так как заключается в разрешении конкретного правового спора, вытекающего из фактических обстоятельств

уголовного дела на основе норм материального и процессуального права. Это предполагает наличие у суда ответственности за законность, обоснованность, мотивированность принимаемых решений. Как справедливо отмечается в специальной литературе, такая ответственность не может быть персонализирована, поскольку проявляется в виде негативных процессуальных последствий – отмены или изменения судебного решения вышестоящей инстанцией, увеличения сроков производства по уголовному делу и т. д. [9, с. 8].

С учетом названной специфики правовой статус суда сформулирован законодателем путем закрепления его полномочий в ст. 29 УПК РФ. Переходя к вопросу о формах реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве, позволим себе охарактеризовать данные полномочия, применив именно функциональный критерий, дающий возможность разделить их на несколько групп: 1) полномочия по разрешению уголовного дела по существу; 2) полномочия по контролю за деятельностью органов предварительного расследования; 3) полномочия суда по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ); 4) полномочия по реагированию на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, путем вынесения частного определения или постановления.

Разрешение уголовного дела по существу предполагает реализацию судом полномочий, закрепленных в ч. 1 ст. 29 УПК РФ, таких как признание лица виновным в совершении преступления и назначение ему наказания; применение к лицу принудительных мер медицинского характера; применение к лицу принудительных мер воспитательного воздействия; прекращение уголовного дела в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа; отмена или изменение решения, принятого нижестоящим судом.

Следует отметить, что совокупность названных выше полномочий, по мнению определенной части ученых-процессуалистов, формирует содержание понятия «правосудие». В качестве аргументов традиционно приводятся следующие доводы. Во-первых, разрешение уголовного дела по существу является основной судебной функцией, которая корреспондирует назначению судеб-

ной власти, в то время как иные полномочия суда можно отнести к числу субсидиарных, не охватываемых понятием «правосудие». Во-вторых, акты, выносимые судом в ходе реализации субсидиарных полномочий, не обладают свойствами приговора как основного акта правосудия [2, с. 53]. Думается, что приведенная точка зрения, унифицирующая подход к понятию «правосудие», в современных правовых реалиях является достаточно спорной. Так, позволим себе поддержать позицию Л. А. Воскобитовой о том, что правосудие по содержанию – это правоприменительная деятельность суда, реализуемая в различных формах, в числе которых и судебный контроль, и судебное санкционирование, и контрольно-ревизионная деятельность вышестоящих судебных инстанций [8, с. 181]. В данном контексте к правосудию может быть отнесена любая судебная деятельность, осуществляемая в предусмотренной законом форме, основы которой определены на конституционном уровне (непосредственность, непрерывность, гласность, устность, неизменность состава суда и т. д.). Дополнительным аргументом может, на наш взгляд, являться и позиция законодателя, который толкует форму реализации судебной власти именно как правосудие, осуществляемое в ходе судебного заседания в досудебных и судебных стадиях производства по уголовному делу (п. 50 ст. 5 УПК РФ).

Контроль за деятельностью органов предварительного расследования является самостоятельным направлением судебной деятельности, которое осуществляется в нескольких формах:

1. Применение мер принуждения, существенным образом ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ к числу таких мер относятся заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий, а также продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение иных мер принуждения (временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности, денежное взыскание). Заметим, что, несмотря на исключительный характер названных полномочий суда, их реализация судебной властью является пассивной, поскольку соответствующее ходатайство вносится должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу (ст. 107–109 УПК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ ограничение конституционных прав на свободу и личную

неприкосновенность, права частной собственности, составляющих предмет судебной деятельности, может быть обжаловано заинтересованными лицами еще до вынесения итогового решения по уголовному делу.

С учетом приведенного выше тезиса о том, что рассматриваемый вид деятельности является элементом понятия «правосудие», его форма носит состязательный характер, поскольку судебное заседание по решению вопросов о применении мер принуждения проводится с участием сторон, которые отстаивают свою процессуальную позицию путем представления доказательств, подлежащих непосредственному исследованию судом [13]. В этой связи позиция законодателя относительно ряда организационных вопросов, касающихся порядка уведомления сторон, рассмотрения ходатайств участников судебного заседания, остается неясной. В связи с отсутствием законодательной регламентации в специальной литературе высказывается мнение о том, что коль скоро инициатива применения меры принуждения принадлежит дознавателю (следователю), именно он должен нести обязанность по уведомлению заинтересованных лиц о дате, месте и времени судебного заседания [11, с. 42]. Мы категорически не согласны с таким подходом, поскольку он не отражает сущности состязательного судебного процесса, а также порядка его организации, предусмотренного, например, для рассмотрения уголовного дела по существу, когда суд, используя весь арсенал имеющихся у него процессуальных средств, извещает стороны о судебном заседании (ст. 232, 389.12, 401.12 УПК РФ). Традиционно в подготовительной части судебного заседания рассматривается вопрос о возможности слушания дела в отсутствие кого-либо из вызванных участников судопроизводства. Как следует из смысла ч. 4 ст. 108 УПК РФ, в судебном заседании при решении вопроса о применении меры пресечения обязательно участие обвиняемого (подозреваемого), прокурора, защитника. Кроме того, соответствующим правом обладают законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Принципиальное значение имеет явка обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого мера пресечения избирается только в его присутствии, за исключением случая объявления его в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). Такой подход в специальной литературе неоднократно подвергался критике на том

основании, что практическая реализация положений ч. 5 ст. 108 УПК РФ затруднена в случаях, когда обвиняемый скрылся и объявлен в местный либо федеральный розыск [3]. Верховный Суд Российской Федерации, учитывая позицию правоприменителя, допускает расширительное толкование ч. 5 ст. 108 УПК РФ при условии достоверного установления того факта, что обвиняемый (подозреваемый) скрылся от органов предварительного расследования и суда и признает соответствующую практику судов законной.

2. Санкционирование производства следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод граждан: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Названная группа полномочий суда имеет исключительный характер, что следует из формулировки законодателя, предваряющей перечень следственных действий, составляющих предмет судебной деятельности: «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения». Вместе с тем исключительность полномочий суда в данном случае имеет бинарную природу, поскольку в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, следователь действий может быть обратной: производство следственного действия предшествует судебному решению о его законности и обоснованности, которое с точки зрения получения доказательств все равно имеет определяющее значение. Следует отметить, что бинарный характер общей процедуры судебного контроля распространяется на ограниченный круг действий (осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, а также наложение ареста на имущество, ука-

занное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ), когда промедление с их производством может повлечь за собой утрату следов преступления и других доказательств, позволит скрыться лицам, его совершившим, негативно повлияет на возмещение причиненного преступлением ущерба.

С этих позиций при изучении механизма судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий определенным интересом представляется процедура рассмотрения судом данного вопроса, регламентированная ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Редакция названной статьи представляется нам не вполне совершенной. Так, в частности, проведя следственное действие, следователь обязан в течение трех суток уведомить судью и прокурора, приложив к уведомлению копии постановлений о производстве следственного действия и его протокола. При этом законодатель определяет, что целью контроля является проверка законности решения о его производстве. Представляется, что это не вполне соответствует сущности института судебного контроля. Судья обязан оценить не только законность принятого следователем решения, но и его обоснованность, исключительность обстоятельств, потребовавших немедленного производства следственного действия вне общей процедуры судебного санкционирования, а также ход и результаты проведенного следственного действия. Именно такой подход используется законодателем при возложении на следователя обязанности уведомить о производстве следственного действия прокурора. Так, в соответствии с п. 1.6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прокурор уполномочен требовать своевременного уведомления в каждом случае производства без судебного решения осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, личного обыска, наложения ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также материалов по результатам их производства для правовой оценки. На наш взгляд, следователь, дознаватель и прокурор обязаны предварительно оценить достаточность оснований, которыми можно будет аргументировать перед судом необходимость проведения следственного действия в исключительных случаях без разрешения суда. Именно приведенный подход предопределяет, на наш взгляд, не-

обходимость оценки судом не только законности принятого органами предварительного расследования решения о необходимости производства следственного действия, но и неотложности его производства, для чего помимо указанных в ч. 5 ст. 165 УПК РФ документов в суд должны быть представлены иные материалы, подтверждающие наличие исключительного случая, не терпящего отлагательства. К числу таких материалов могут быть отнесены объяснения следователя или дознавателя, показания свидетелей (например, понятых), материалы, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности. Определяя пределы полномочий суда в рамках процедуры судебного контроля, необходимо также учитывать и процессуальные последствия принятого судьей решения. В соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ по результатам рассмотрения вопроса о законности произведенного следственного действия судья может вынести постановление о его законности или незаконности. В последнем случае все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. Следует иметь в виду то обстоятельство, что решение о незаконности производства следственного действия, принятое судьей в ходе процедуры отсроченного судебного санкционирования, по своим последствиям является более радикальным, чем признание доказательств недопустимыми в ходе предварительного слушания. Исключение доказательств на предварительном слушании не препятствует повторному рассмотрению данного вопроса в ходе судебного разбирательства (ч. 7 ст. 235 УПК РФ), в то время как решение, принятое по данному вопросу в ходе досудебного производства, является окончательным и, как следствие, влечет за собой невозможную утрату доказательств. Вместе с тем признание доказательства недопустимым в рамках досудебного производства не только создает дополнительные гарантии прав и законных интересов граждан, но и обеспечивает законность и обоснованность уголовно-процессуальной деятельности стороны обвинения, поскольку предоставляет должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, возможность устранить в ходе других следственных действий образовавшийся пробел в доказательственном материале.

Форма судебной деятельности по санкционированию производства следственных действий совпадает с процессуальным

порядком применения мер принуждения, рассмотренным выше, что позволяет говорить об унификации соответствующей процедуры, формирующей, как уже было отмечено, единое направление деятельности суда в уголовном процессе. Вместе с тем данные виды деятельности не являются тождественными, поскольку имеют определенные отличия, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем. Так, суд не несет ответственности за законность и обоснованность производства следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, поскольку решение о его производстве хоть и санкционируется судом, но принимается должностным лицом, ведущим предварительное расследование (ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 41 УПК РФ), поскольку является частью его тактики. Соответственно, судебное решение о производстве следственного действия можно рассматривать как необходимое условие законности такового. Мы позволим себе поддержать высказанную В. Ф. Васюковым позицию о том, что непосредственное ограничение прав участников судопроизводства осуществляется дознавателем, следователем в процессе совершения действий, обозначенных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ [6, с. 16]. Кроме того, судебное санкционирование в отличие от применения мер принуждения имеет проверочный характер, поскольку его процедура предполагает проверку судом наличия или отсутствия оснований для производства запрашиваемого органами расследования следственного действия. И, наконец, в самой процедуре санкционирования, предусмотренной ст. 165 УПК РФ, отсутствуют элементы состязательности, так как законодатель не предполагает участия сторон в судебном заседании, ограничиваясь лишь предоставлением соответствующего права должностному лицу, заявившему ходатайство. В специальной литературе высказываются предложения о предоставлении права на участие в судебном заседании заинтересованным лицам, например защитнику, подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему [7]. Полагаем, что такая позиция не свободна от критики, поскольку позитивный результат следственного действия в подавляющем большинстве случаев обусловлен внезапностью и конфиденциальностью его производства, что невозможно при привлечении к участию в судебном заседании указанных лиц. Кроме того, при недостижении искомого результата следственного действия нивелируется значение

его исключительного характера, сопряженного с ограничением конституционных прав граждан, оно становится бессмысленным с доказательственной точки зрения. В качестве гарантии прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводятся следственные действия, могут выступать возможность обжалования соответствующего постановления судьи в вышестоящую судебную инстанцию, а также инициирование процедуры судебного контроля, предусмотренной ст. 125 УПК РФ.

В связи с процедурой судебного санкционирования наиболее острые дискуссии в специальной литературе вызывает его предмет, который недостаточно детализирован законодателем, ограничившимся лишь установлением требований процессуальной формы, а именно: 1) согласование ходатайства о производстве следственного действия с руководителем следственного органа либо прокурором; 2) срок рассмотрения ходатайства составляет 24 часа с момента поступления материалов в суд по месту производства предварительного расследования (следственного действия); 3) участие в судебном заседании представителя стороны обвинения (прокурора, следователя и дознавателя); 4) перечень решений, принимаемых судом по результатам рассмотрения ходатайства.

Сама процедура познавательной деятельности суда остается за пределами правового регулирования, что объясняется «наличием специфики каждого конкретного случая, обусловленного совокупностью обстоятельств уголовного дела» [16, с. 108]. Позволим себе усомниться в справедливости данного тезиса, поскольку анализ положений ст. 182–186 УПК РФ заставляет сформулировать ряд вопросов, подлежащих исследованию в судебном заседании:

1) наличие постановления о возбуждении уголовного дела, которое является процессуальным условием производства следственных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, за исключением тех, которые в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ могут проводиться в рамках проверки сообщения о преступлении (например, осмотр места происшествия без согласия проживающих в нем лиц);

2) наличие фактического основания производства следственного действия, которое легально установлено для каждого из них. Например, при производстве выемки должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, должно точно знать, где

и у кого находятся искомые предметы и документы (ч. 1 ст. 183 УПК РФ);

3) исключительный характер ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, возможного при производстве запрашиваемого следственного действия. В специальной литературе называются различные способы удостоверительной деятельности суда в рассматриваемом случае. Например, С. И. Ковалева полагает, что следователь (дознаватель) должен предоставить суду информацию о средствах доказывания, использовавшихся ранее, но оказавшихся безрезультатными [10]. С. А. Шейфер указывает, что положительное решение суда по ходатайству, поданному в порядке ст. 165 УПК РФ, может быть получено при отсутствии иных легитимных путей получения искомой информации [17, с. 71].

В отличие от иных полномочий суда рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, не обладает свойством исключительности, поскольку аналогичные полномочия в соответствии со ст. 124 УПК РФ предоставлены прокурору и руководителю следственного органа. По своему характеру полномочия по рассмотрению жалоб заинтересованных лиц имеют правосоставительную природу, так как их реализация судом устраняет допущенные органами расследования нарушения конституционных прав граждан.

В специальной литературе полномочия суда, предусмотренные в ч. 3 ст. 29 УПК РФ, расцениваются как судебный контроль [12, с. 12–13]. Анализ обширной библиографии вопроса позволяет выделить несколько специфических признаков контрольной деятельности судебных органов. Во-первых, это отсутствие иерархической подчиненности, характерной для ведомственного контроля, что обусловлено тем фактом, что суд не относится к числу правоохранительных органов, имеющих соответствующую структуру. Кроме того, рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования не связано с инстанционностью судебной системы и осуществляется судом по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления либо по месту производства предварительного расследования. Во-вторых, суд не является инициатором контрольной деятельности, поскольку реализует полномочия, предусмотренные ст. 125 УПК РФ, лишь при наличии жалобы

заинтересованного лица, которое может выбрать и иной порядок защиты своих нарушенных прав, предусмотренный гл. 16 УПК РФ. В-третьих, реализуя полномочия в рамках судебного контроля, суд принимает промежуточные решения, в которых констатируется наличие (отсутствие) нарушения, подлежащего устранению органом, его допустившим. В-четвертых, с содержательной точки зрения судебный контроль представляет собой совокупность трех действий: выявления нарушения, обеспечения его устранения и анализа факторов его возникновения.

Процедура рассмотрения жалобы имеет состязательный характер. Так, инициатором судебного контроля, как уже было отмечено, является лицо, подавшее жалобу. При этом диспозитивная природа названного права характеризуется отсутствием легальных требований к форме и содержанию обращения в суд, что в специальной литературе оценивается позитивно с точки зрения реализации принципа свободы обжалования и механизма защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства [1]. Мы разделяем иную позицию. Несомненной поддержки законодателя, на наш взгляд, заслуживает предложение о введении правила необходимого минимума реквизитов [15, с. 34], которое предусматривает перечень сведений, составляющих содержание любого официального документа, а именно данные о заявителе, его месте жительства, процессуальном статусе, органе, действия и решения которого обжалуются и которому адресуется жалоба. Указание в тексте документа названных сведений не составит труда для заинтересованного лица, однако существенно упростит прием и рассмотрение жалобы, а следовательно, послужит дополнительной гарантией доступа граждан к правосудию. На необходимость уточнения содержания жалобы в части формальных реквизитов

неоднократно указывалось в обобщениях судебной практики применения ст. 125 УПК РФ, сделанных судами различного уровня [14, с. 89]. Кроме того, соответствующее дополнение текста рассматриваемой нормы уголовно-процессуального закона позволило бы, на наш взгляд, унифицировать общие требования к жалобам, подаваемым в различные судебные инстанции в процессе производства по уголовному делу, поскольку ст. 389.6, 401.4 УПК РФ уже содержат критерии содержательной допустимости апелляционной и кассационной жалоб. Аналогичным образом должен решаться вопрос о форме подачи жалобы, поскольку отсутствие четких критериев, прямо закрепленных в ст. 125 УПК РФ, позволяет выдвинуть утверждение о допустимости устного обращения за судебной защитой, что влечет за собой процедуру личного приема заявителя в суде, что не вполне приемлемо в состязательной процедуре.

Такая группа полномочий суда, как реагирование на допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и свобод граждан, принципа законности, установленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, носит профилактический характер, так как основной целью их реализации является предотвращение «возникновения угрозы субъективному праву или государственным интересам в дальнейшей деятельности должностных лиц и организаций» [13, с. 172]. Актом реагирования в данном случае выступает частное определение (постановление) суда об устранении допущенных нарушений, подлежащее немедленному исполнению.

Практически все указанные выше функции включают в себя правозащитные элементы, что позволяет говорить об их направленности на решение совокупности задач уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Амельков, Н. С.** Заявитель в уголовном судопроизводстве России / Н. С. Амельков // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 5. – С. 590–594.
2. **Банников, И. А.** Принцип осуществления правосудия только судом: историко-правовой аспект / И. А. Банников // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 2. – С. 52–57.
3. **Барабаш, А. С.** Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание / А. С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2016. – № 5. – С. 143–149.
4. **Бурмагин, С. В.** Статус и деятельность суда в уголовном процессе / С. В. Бурмагин. – Москва : Проспект, 2016. – 304 с. – ISBN 978-5-392-19667-8.
5. **Быков, В. М.** Проблемы суда первой инстанции / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 25–27.
6. **Васюков, В. Ф.** Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи / В. Ф. Васюков // Российский следователь. – 2016. – № 23. – С. 15–18.
7. **Вилкова, Т. Ю.** Принцип неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 103–107.
8. **Воскобитова, Л. А.** Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговора : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Л. А. Воскобитова. – Москва, 1979. – 186 с.

9. Качалова, О. В. Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 8–10.
10. Ковалева, С. И. К вопросу об участии судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании / С. И. Ковалева // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 23–26.
11. Конярова, Ж. К. Реализация дискреционных полномочий прокурора при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по ходатайству следователя / Ж. К. Конярова // Вестник Оренбургского университета. – 2008. – № 83. – С. 41–43.
12. Лопаткина, Н. А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Краснодар, 2002. – 187с.
13. Печегин, Д. А. Состязательное начало уголовного судопроизводства / Д. А. Печегин // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1. – С. 171–176.
14. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда Российской Федерации по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики / под ред. В. М. Лебедева. – Москва : Юрайт, 2016. – 231с. – ISBN 978-5-534-02827-0.
15. Рябцева, Е. В. Правосудие в уголовном процессе России : монография / Е. В. Рябцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 400 с. – ISBN 978-5-93295-665-6.
16. Стельмах, В. Ю. Несоблюдение процессуальной формы следственных действий: виды и последствия / В. Ю. Стельмах // Уголовное право. – 2015. – № 6. – С. 108–117.
17. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С. А. Шейфер. – Москва : Норма, 2008. – 125 с. – ISBN 978-5-91768-571-7.

REFERENCES

1. Amel'kov N. S. Zayavitel' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [The applicant in the criminal proceedings of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2013, no. 5, pp. 590–594. (In Russ.).
2. Bannikov I. A. Princip osushchestvleniya pravosudiya tol'ko sudom: istoriko-pravovoj aspekt [The principle of the administration of justice only by the court: historical and legal aspect]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitration and civil proceedings*, 2017, no. 2, pp. 52–57. (In Russ.).
3. Barabash A. S. Osnovaniya dlya izbraniya zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i ih dokazyvanie [Grounds for the election of detention, house arrest, bail and their proof]. *Rossijskij juridicheskiy zhurnal – Russian Law Journal*, 2016, no. 5, pp. 143–149. (In Russ.).
4. Burmagin S. V. *Status i deyatel'nost' suda v ugovnom processe* [Status and activity of the court in criminal proceedings]. Moscow, 2016. 304 p. (In Russ.).
5. Bykov V. M. *Problemy suda pervoj instancii* [Trial court issues]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2015, no. 3, pp. 25–27. (In Russ.).
6. Vasyukov V. F. Nekotorye voprosy provedeniya sledstvennyh dejstvij, napravlennyh na obnaruzhenie, fiksaciyu i iz'yatie elektronnyh soobshchenij, peredannyh posredstvom mobil'nyh abonentskih ustrojstv sotovoj svyazi [Some issues of investigative actions aimed at detecting, recording and seizing electronic messages transmitted by mobile subscriber cellular devices]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2016, no. 23, pp. 15–18. (In Russ.).
7. Vilkova T. YU. Princip neprikosnovennosti zhilishcha v ugovnom sudoproizvodstve: pravovye osnovy, sodержание, garantii [The principle of the inviolability of the home in criminal proceedings: legal basis, content, guarantees]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2015, no. 2, pp. 103–107. (In Russ.).
8. Voskobitova L. A. *Sushchestvennye narusheniya ugovno-processual'nogo zakona kak osnovanie k otmene prigovora. Diss. kand. yurid. nauk* [Significant violations of the criminal procedure law as a basis for the annulment of the sentence. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1979. 186 p. (In Russ.).
9. Kachalova O. V. Funkcii suda v sovremennom rossijskom ugovnom sudoproizvodstve [The functions of the court in modern Russian criminal proceedings]. *Rossijskij sud'ya – Russian judge*, 2014, no. 1, pp. 8–10. (In Russ.).
10. Kovaleva S. I. K voprosu ob uchastii sud'i v dokazyvanii pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya na predvaritel'nom rassledovanii [On the issue of a judge's participation in evidence during judicial control at the preliminary investigation]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2014, no. 4, pp. 23–26. (In Russ.).
11. Konyarova ZH. K. Realizaciya diskreционnyh polnomochij prokurora pri izbranii mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu po hodatajstvu sledovatelya [Realization of the discretionary powers of the prosecutor when choosing a preventive measure in the form of custody at the request of the investigator]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta – Bulletin of the Orenburg University*, 2008, no. 83, pp. 41–43. (In Russ.).
12. Lopatkina N. A. *Institut sudebnogo kontrolya na dosudebnyh stadiyah ugovnogo processa Rossii. Diss. kand. yurid. nauk* [Institute of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process of Russia. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 2002. 187 p. (In Russ.).
13. Pechegin D. A. Sostyazatel'noe nachalo ugovnogo sudoproizvodstva [Adversarial start of criminal proceedings]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies*, 2017, no. 1, pp. 171–176. (In Russ.).
14. Lebedev V. M. (red.) *Praktika primeneniya Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii. Aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki, rekomendacii sudej Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po primeneniyu ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva na osnove novejshej sudebnoj praktiki* [The practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Actual issues of judicial practice, recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal procedure legislation based on the latest judicial practice]. Moscow, 2016. 231 p. (In Russ.).
15. Ryabceva E. V. *Pravosudie v ugovnom processe Rossii* [Justice in the criminal process of Russia]. Moscow, 2010. 400 p. (In Russ.).
16. Stel'mah V.YU. Nesoblyudenie processual'noj formy sledstvennyh dejstvij: vidy i posledstviya [Non-compliance with the procedural form of investigative actions: types and consequences]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2015, no. 6, pp. 108–117. (In Russ.).
17. Shejfer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam* [Evidence and proving in criminal matters]. Moscow, 2008. 125 p. (In Russ.).